

"Следствие как судьба": Интервью с Евгением Михайловичем Агафоновым, председателем Совета ветеранов при Следственном управлении СКР по Свердловской области

Следствие как судьба. Агафонов Евгений Михайлович, председатель Совета ветеранов при Следственном управлении СКР по Свердловской области. Евгений Агафонов отметил, что к работе следователя нужно быть готовым психологически (интервью "ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЕ", 25 июля 2020 года)

В канун профессионального праздника обозреватель «Областной газеты» побеседовала с Евгением АГАФОНОВЫМ, председателем Совета ветеранов при Следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области, старшим советником юстиции, который более двух десятков лет вместе с коллегами занимался расследованием наиболее сложных коррупционных, хозяйственных дел, а также расследовал

дела о преступлениях против личности.

– Евгений Михайлович, как, по-вашему, повлияло на следствие выделение Следственного комитета в отдельную структуру?

– Думаю, что сравнивать два ведомства: прокуратуру СССР (и позже – РФ), в составе которой работало следствие раньше, и современный Следственный комитет нельзя, так как эти структуры существовали при разных общественно-политических формациях. Но реформы нужны любому государству, поскольку государство развивается, так что и эта реформа не была исключением. Следственный комитет находится ещё на начальной стадии своего становления, поскольку работу в качестве полностью самостоятельной структуры он начал в 2011 году. Его предшественник, следственный комитет при прокуратуре РФ, работал с 2007 по 2011 год, а до этого с начала советских времён следователи, расследовавшие наиболее тяжкие и сложные преступления, были сотрудниками прокуратуры. Стоит отметить, что в нынешней самостоятельности Следственного комитета есть плюсы. Я ушёл на пенсию с должности начальника отдела по расследованию умышленных убийств и бандитизма и одновременно являлся старшим помощником прокурора области. Одновременно я выполнял функции двух начальников: и процессуального, и административного, поскольку руководил деятельностью отдела. Для координации работы это было удобнее. У следователей Следственного комитета сейчас больше возможностей, чем было у нас, следователей прокуратуры. Следственный комитет теперь существует в новой технологической реальности: если раньше для установления одного факта требовалось несколько экспертиз, то сейчас всё можно установить одной. Например, около 30 лет назад я расследовал дело об убийстве двух литовцев, приехавших из Прибалтики на Урал покупать машину, и убитых с целью ограбления. По результатам серии экспертиз было установлено, что в пулях, которыми были убиты потерпевшие, помимо свинца, присутствовала сурьма. Следы сурьмы эксперт обнаружил при этом на костях жертв преступления. Это была очень важная подробность, позволившая доказать вину подозреваемого: во время допроса он признался, что изготовил пули из клемм аккумулятора, а на них идёт свинец с добавлением сурьмы. Сейчас, как правило, у каждого следователя свой кабинет, а в мои времена следователи нередко находились в кабинете четвером, сами понимаете, как это осложняет ведение допроса. Значительно лучше теперь вещевое снабжение, лучше с оргтехникой: раньше у нас печатная машинка была пределом мечтаний, а сейчас каждое рабочее место оснащено компьютером и принтером.

– Какие особенности были у дел, которыми вы занимались в начале своей карьеры, и каковы особенности дел сейчас? Что-то менялось?

– Раньше тяжких преступлений было меньше, особенно в отношении детей. Их раньше не боялись одних выпускать во двор, не настолько боялись маньяков и педофилов. Сейчас таких преступников стало больше. Грань размыта: в Интернете полно детской порнографии, извращенцы находят свою целевую аудиторию, делятся подробностями, в результате больше неустойчивых людей становится преступниками. Общество в силу пропагандируемой

толерантности стало более терпимым к преступлениям подобного рода. Много дел, связанных с пропажей людей: за прошлый год в Свердловской области пропало значительное количество людей, многие из них не найдены до сих пор. Раньше простые граждане были более внимательными и неравнодушными: следили за детьми, наблюдали за соседями, и не было такого информационного вакуума, как бывает у нынешнего следователя, когда отсутствуют зацепки в расследовании дела. Хотя молодые следователи – хорошие ребята, им интересна их работа. Как пример преемственности традиций можно привести расследование дела так называемого «уктусского стрелка» – преступления, совершённого в условиях неочевидности. Сейчас много сложных экономических дел с коррупционной составляющей: это как раз та ситуация, когда, как гласило основное положение политэкономики, политика является концентрированным выражением экономики. Сейчас изменилось и отношение общества к следователям: в 20–30-е годы прошлого века была должность «народный следователь». В советские времена следователей, как и прокуроров, и милиционеров, называли правоохранителями, сейчас их называют силовиками. Их воспринимают уже не как представителей народа, но как представителей власти, обладающих реальной силой. Раньше была правоохранительная триада: суд – прокуратура – ОВД, сейчас это понятие заменено понятием «силовой блок». Но, в то же время, людей, которые пытаются влезть в работу следователя, сейчас значительно больше, чем в мои времена. Раньше никого особо не интересовало, как именно следователь ведёт свою работу. Всё реже упоминаются и выражения «законность», «правовое поле», «действовать в правовом поле», и это тоже свидетельствует об определённых изменениях.

– Может ли искусственный интеллект заменить следователя?

– Думаю, что нет. Искусственный интеллект может решать только технические задачи, но полностью провести все следственные действия так, как нужно, он просто не сможет. У меня был подследственный, который очень любил своего маленького сына, просто тряся, когда о нём вспоминал. Я давал ему возможность встретиться с ребёнком. Тот лепечет, прижимается к его небритой щеке, рассказывает о своих детских проблемах, не понимая, где сейчас его отец находится и что с ним... И, когда ребёнка уводила мать, я просто слышал глубочайший выдох этого человека. Он перезагружался, продолжал жить дальше. Я его сохранил для приговора, человек не наложил на себя руки до суда. Искусственный интеллект так бы не смог.

– Доводилось ли вам расследовать дела в отношении своих коллег?

– Следователи прокуратуры и следователи Следственного комитета уголовные дела, совершённые своими коллегами, расследуют самостоятельно. Лично я в отношении своих коллег уголовных дел не вёл, но в моей практике были случаи, когда такие дела вели мои коллеги. Я видел, насколько это тяжело морально. Вчера ты с ним хлебал из одной чашки, а сегодня можешь застрелить при попытке к бегству. Он только что был своим, но вот уже преступил закон и стал чужим. Но предателей не любят нигде, ни в одном ведомстве, в том числе и среди следователей.

Досье "ОГ"

Евгений Михайлович АГАФОНОВ родился 15 августа 1955 года. В 1980 году окончил Свердловский юридический институт и начал работать следователем прокуратуры в «почтовом ящике» АБ-239, который дислоцировался в Сосьве, а позже – в городской прокуратуре Сысерти. В 1982 году был переведён в аппарат прокуратуры Свердловской области. Расследовал особо сложные дела по убийствам, совершённым в условиях неочевидности, а также связанным с оргпреступностью и коррупцией. Вышел в отставку в 2002 году. В 2018 году избран председателем Совета ветеранов при Следственном управлении СК РФ по Свердловской области.

Полный текст статьи доступен по ссылке: <https://www.oblgazeta.ru/society/incident/112468/>

25 Июля 2020

Адрес страницы: <https://sverdlovsk.sledcom.ru/folder/877217/item/1489074>